

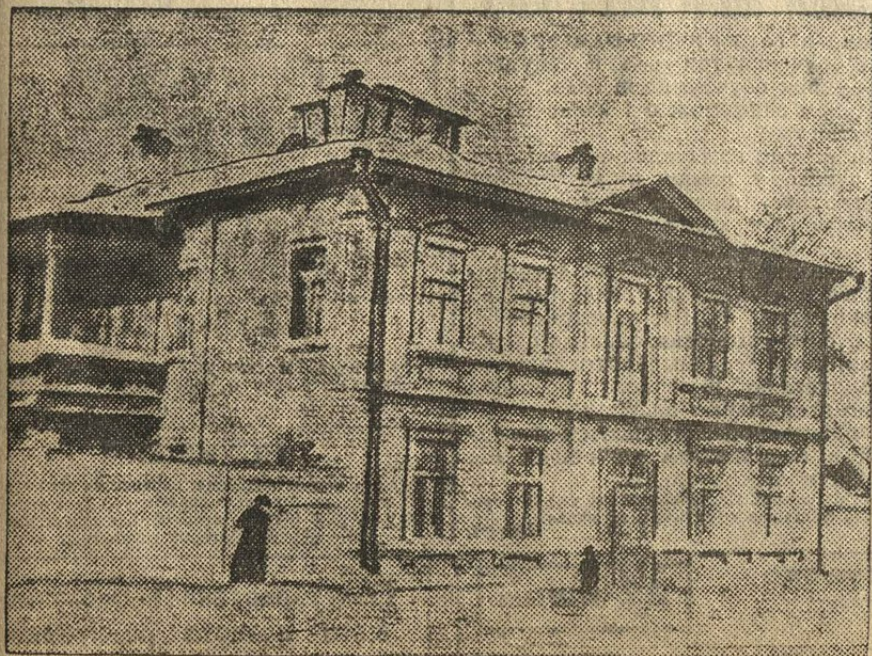
ВОЛГА В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ М. ГОРЬКОГО

«Меня влекло на Волгу к музыке трудовой жизни, эта музыка и до сего дня приятно охмеляет сердце мое».

М. Горький «Мои университеты»
1923 г.

I.

Реку Волгу, во всем ее многообразии, со всех сторон, воспел наш великий пролетарский писатель, наш знаменитый земляк А. М. Горький. В его автобиографических произведениях («Детство», «В людях», «Мои университеты»), в ряде очерков и заметок («На плотах», «На пароходе», «Ледоход»), в его повести «Фома Гордеев» даны художественные зарисовки волжского пейзажа, показана жизнь и работа волгарей, нарисованы колоритные фигуры волжан—повара Смурого, кочегара Якова Шумова, рулевого Петра,

По горьковским местам. Б. Канатная улица, дом № 11. Здесь Горький жил в 1901 г. и здесь произошел третий его арест. Рядом в доме Лемке жил до г. и близкий друг Горького писатель В. Г. Короленко.

ловкого старичка Осипа и т. д. Все собранное вместе дает возможность понять и оценить одну из сторон многогранной жизни М. Горького, не освещенную в нашей биографической литературе о нем, а именно—чем являлась для А. М. Горького река Волга, что она ему дала и как он ее отобразил в своем творчестве.

В «Детстве» М. Горький рассказывает о своих первых впечатлениях о Волге: четырехлетний Алеша Пешков со своей матерью и бабушкой и новорожденным братом возвращаются из Астрахани в Нижний после смерти отца. Ехали они еще на буксирно-пассажирском пароходе, который тянул за собой одну баржу. Правда, в то время ходили уже и пассажирские пароходы, но плата за билет III класса от Астрахани до Нижнего на них была по тем временам высокая—12—15 рублей, а на буксирно-пассажирском вдвое дешевле. М. Горький помнит, что поместились они в небольшой каютке внизу, в трюме. «Примостившись на узлах и сундуках,— пишет М. Горький,— я смотрю в окошко, выпуклое и круглое, точно глаз коня: за мокрым стеклом бесконечно льется мутная, пенная вода. Порою она вскидывается, лижет стекло. Я невольно прыгаю на пол...»

«Сорок лет назад пароходы плавали медленно; мы ехали до Нижнего очень долго, и я хорошо помню эти первые дни насыщения красотой (разрядка всюду моя. А. С.)... Установилась хорошая погода; с утра до вечера я с бабушкой на палубе, под ясным небом, между положительных осенью, шелками шитых берегов Волги...»

— «Ты гляди, как хорошо то!—сжемылутно говорила бабушка, переходя от борта к борту, и вся сияет, а глаза у нее радостно расширены».

В этих детских воспоминаниях М. Горького о Волге важно отметить, что это были «первые дни насыщения красотой» Волги и что в развитии этого чувства красоты, этой любви к Волге Алеша Пешков обязан своей бабушке Акулине Ивановне Калшириной, которая, как известно, сыграла огромную роль в воспитании своего внука. Это она учила Алешу Пешкова воспринимать красоту Волги, так как она сама глубоко ее чувствовала, сама стояла очарованная пейзажем Волги.

«Часто она,—продолжает М. Горький,— заглядываясь на берег, забывала обо мне: сполз у борта, сложив руки на груди, улыбается, молчит, а на глазах слезы. Я держу ее за темную с набойкой цветам юбку». И это чувство горячей привязанности к Волге М. Горький пронес через всю свою последующую жизнь, ос-

ложив только гаммой других переживаний, рожденных на Волге и связанных с Волгой.

II

Через 8 лет после первой поездки по Волге Алеше Пешкову пришлось целое лето проездить по Волге и Каме. Это было в 1880 г. Мальчику шел двенадцатый год, когда он убежал от чертежника Сергеева и поступил посудником на пароход «Добрый». Этот пароход принадлежал купцу Колчину, который еще с 1864 года открыл буксирно-пассажирскую линию и по контракту с казной перевозил из Нижнего до Перми арестантов, ссылаемых в Сибирь. (С 1880 г. пароходство Курбатова явилось преемником пароходства Колчина и тоже перевозило арестантов). На самом пароходе обычно помещались классные пассажиры, а арестанты размещались в особо устроенных железных баржах.

На этом-то пароходе А. Пешков и встретился с поваром Смурым, которого он называет своим первым учителем. Описание поездки на «Добром» живо дано в 5 и 6 главах «В людях» (повесть начала печататься с 1915 г.).

«Ночь, ярко светит луна, убегая от парохода влево, в луга... Старенький рыжий пароход, с белой полосой на трубе, не торопясь и неровно щелкает плечами по серебряной воде, навстречу ему тихонько плывут темные берега, положив на воду тени... За паромом на длинном буксире тянется баржа, тоже рыжая; она прикрыта на палубе железной клеткой, в клетке арестанты, осужденные на поселение и в каторгу. На носу баржи, как свеча, блестит штык часового... Мения почти до слез волнует красота ночи, волнует эта баржа—она похожа на гроб и такая лишняя на просторе широко разлившейся реки, в задумчивой тишине теплой ночи. Неровная линия берега, то поднимаясь, то опускаясь, приятно тревожит сердце—мне хочется быть добрым, нужным для людей» (т. XVII, стр. 71).

Если во время своего первого путешествия по Волге Алеша Пешков приучался к восприятию красоты волюжской природы, то двенадцатилетнего подростка не только «до слез волнует красота ночи» среди широкой реки, но он уже пытливо задумывается над контрастами жизни, как это нередко с пассажирами, свободно передвигающимися, едут другие, иные пассажиры, которых охраняют часовые с ружьями: «за черной сеткой железной решетки смутно видны круглые серые пятна—это арестанты смотрят на Волгу». Мальчику хотелось ближе видеть этих людей, сидевших в железной клет-

ке. И тут перед ним вставало новое противоречие. Он решил, что «это—конечно, разбойник», но как примирить эту осуждающую кличку, это название с тем, что «бабушка так много говорила хорошего о разбойниках». Это противоречие он разрешит еще не может, ему хочется только крикнуть им хорошие, добрые слова. Хочется ободрить, утешить их, хочется быть полезным людям.

Мальчик еще не знал тогда, что на этих баржах перевозили не одних уголовных преступников, а и политических ссыльных. Как раз летом 1880 г., когда будущий великий пролетарский писатель бегал на пароходе по судным и не помышлял о писательской деятельности, на одной из таких барж перевозили на поселение политического арестанта, но уже начинавшего писателя и будущего наставника М. Горького на литературном поприще— В. Г. Короленко, который и дал описание своего невольного путешествия на барже с железными решетками в «Истории моего современника» (т. III, ч. II).

Через год, в следующую навигацию 1881 г., А. Пешков слова ездит на пароходе, но пароход этот был почтово-пассажирский—«Перь» Любимова.

«Я снова посудником на пароходе «Перь», белом, как лебедь, просторном и быстром. Теперь я «жесткий» посудник или «сухонный мужик», я получаю семь рублей в месяц, моя обязанность—помогать поварам». И здесь, на этом пароходе для Алеши новые встречи, новые люди, которых он пытается понять, разгадать. Особенное внимание к себе привлек, как говорит М. Горький, «самый интересный человек на пароходе—кочегар Яков Шумов, широкоплечий, квадратный мужик», равнодушный на вид человек, который много знал и много рассказывал. Но при этом, прибавляет М. Горький, не было ни одного веселого рассказа. Поражало и то, что Яков Шумов никогда не жаловался на тяжесть своей работы у котлов. М. Горький отмечает условия непомерно тяжелого труда кочегаров на тогдашних пароходах. «Я знаю»,— пишет М. Горький,—что перед тошкой тяжелее и жарче работать, чем у плиты, я несколько раз по ночам пытался «шуровать» вместе с Яковом и мне странно, что он почему-то не хочет указать повару на тяжесть труда». О тяжести этого труда говорит другой документ, относящийся к более позднему времени, к 1903 году. На съезде судноходных деятелей в Н. Новгороде был оглашен доклад о «помещении команды на буксионных пароходах», где говорилось, что помещения кочегаров еще хуже и по устройству и по содержанию... Между

тем, машинная команда всю работу несет в машинном и кочегарном отделениях—в помещениях, с виадуком, испорченным до крайней степени». А что же было в 80-х годах?

Из рассмотренного видно, что в годы учения «в людях», Волга много давала А. Пешкову: она его знакомила не только с чарующими красотами своей природы, но она открывала перед мальчиком и тяжелую трудовую жизнь—матросов, кочегаров, машинистов, она преподавала всю жестокость, чуждость, бескультурье «российской действительности», «преlestи» которой он имел возможность наблюдать на пароходах и слышать от разных бывалых людей. Любимая река была не только местом отдыха и мечтаний, но она была и суровой школой, которая учила и раскрывала глаза на противоречия капиталистического строя. Именно здесь, на этой реке перед мальчиком ставились трудно разрешимые для него вопросы. Именно на Волге являлась у него мысль—«быть полезным людям», являлись мысли о новой, лучшей жизни. Как раз свою книгу «В людях» М. Горький заканчивает интересными воспоминаниями, когда он, 16-летний юноша, желающий разбираться в путанице жизни, после встречи с своим дядей Яковом, который «своими запутанными речами» еще больше усилил тяжесть переживания племянника, очутился на Волге, на откосе и, глядя на Волгу, на заволок, пришел к верному для себя решению: «надо начать новую жизнь, поехать учиться в Казань, в университет».

«Обойдя город,—говорит М. Горький,—я пришел к Волге, на откос, лег там в длинную траву и долго смотрел за реку, в луга, на эту неподвижную землю. Через Волгу медленно тащились тени облаков, перевалив в луга, они становились светлее, точно омывались водой реки. Все кругом подулши, все так приглушено, все движется как-то неохотно, по тяжелой необходимости, а не по пламенной любви к движению, к жизни».

И так хочется дать хороший пинок всей земле и себе самому, чтобы все—и сам я—завертелось радостным вихрем, праздничной пляской людей, влюбленных друг в друга, в эту живую, внятную, радостную, лучшую—красивой, бодрой, честной» (т. XVII, стр. 266).

Так на Волге, в связи с ее постоянным движением, ясно сознается М. Горьким пламенная любовь к движению, к новой бодрой и красивой жизни.

А. Н. Свободов.

ВОЛГА В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ М. ГОРЬКОГО

III.

В 1884 году осенью А. Пешков едет в Казань. Свою третью автобиографическую повесть «Мои университеты» (написана в 1923 г.) М. Горький и начинает такими словами: «Итак — я еду учиться в Казанский университет, не менее этого». Но мечтам не суждено было осуществиться: российская действительность готовила для молодого юноши другой университет — высшую школу жизни, который он с большим трудом и честью прошел и выдержал.

Как пришлось жить А. Пешкову в первый год своего пребывания в Казани, об этом хорошо свидетельствуют следующие факты. Обширный подвал развалившегося кирпичного здания, в котором жили и умирали бездомные собаки, оказывается был одним из таких университетов А. Пешкова. Чтобы не быть в тягость бедной вдове Черновой, у которой он на первых порах остановился, А. Пешков «с утра уходил из дома, чтобы не обедать, а в дурную погоду — отсиживался на пустыре, в подвале».

Наконец жизнь со студентом Гурьяем Плетневым в веселой тусовке «Марусовке», питание вдвоем на заработанные Г. Плетневым в типографии 11 коп. за ночь: «потребляя четыре фунта хлеба, на две копейки чай и на три сахара».

Приходилось очень и очень бедствовать. Момент таких голодных скитаний хорошо изображен в рассказе «Однажды осенью». Другой эпизод из этих скитаний, в поисках куска хлеба привел его на берег Волги, к грузчикам и художественно расска-

зан в «Мои университеты». М. Горький описывает, как он, утомленный заботами в кружке, где изучался Чернышевский, направился на Волгу и дает ценное признание, какую роль сыграла в его жизни эта работа с грузчиками. «Меня влекло на Волгу, — говорит М. Горький, к музыке трудовой жизни; эта музыка и до сегодня приятно охмеляет сердце мое; мне хорошо памятен день, когда я впервые почувствовал героическую поэзию труда».

Это было в осенний день, с холодным ветром и дождем. Артель грузчиков, человек с полсотни, направилась разгружать большую баржу, севшую на камень. Обстановка, среди которой находились грузчики, и осенняя природа были враждебно настроены против грузчиков.

«Вечерело. Свинцовое, мокрое небо, темнея, опускалось над рекою. Грузчики ворчали и ругались, проклиная дождь, ветер, жизнь, лениво ползали по палубе, пытались спрятаться от холода и сырости. Мне казалось, — замечает М. Горький, — что эти полусонные люди не способны к работе, не спасут погибающий груз».

Но как же преобразились эти полусонные люди, когда взялись за дружную работу. Это были уже другие люди, способные своим коллективным трудом творить чудеса на земле.

«В мокрой тьме, при слабом свете шести фонарей, метались черные люди, глухо топяя ногами о палубы барж. Работали так, как будто проголодались о труде, как будто ожидали удовольствия швырять с рук на руки четырехкудовые мешки, бегом носиться с тюками на спине. Работали, играя, с веселым увлечением детей, с той пылкой радостью делать, слаще которой только объятия женщины».

И вот эта коллективная работа грузчиков невольно захватила А. Пешкова и дала ему возможность пережить, перечувствовать огромнейшую радость труда.

«Я тоже хватал мешки, тащил, бросал, снова бегал и лезал, и казалось мне, что и сам я в это время зарабатываю».

* Продолжение. Начало см. во вчерашнем номере.

бурной пляске, что эти люди могут так страшно и весело работать без устатка, не щадя себя — месяцы, годы, что они могут, хватаясь за колокольни и минареты города, стащить его с места, куда захотят.

Я жил эту ночь в радости, неиспытанной мною, душу озяряло желание прожить всю жизнь в этом полубезумном восторге делания... Обнимать и целовать хотелось этих двуногих зверей, столь умных и ловких в работе, так самозабвенно увлеченных ею. Казалось, что такому напряжению радостно разъяренной силы никто не может противостоять, она способна содеять чудеса на земле, может покрыть всю землю в одну ночь прекрасными дворцами и городами, как об этом говорят вешие сказки». (Т. 18, стр. 22).

Трудно найти в литературе другой отрывок, в котором так воспевался бы коллективный труд волжских рабочих. Это — хвалебный гимн в честь создающего, вдохновенного человеческого труда, это — глубокая вера в мощь рабочего класса, вера в победу и устройство новой лучшей жизни. Это замечательная страница из жизни великого пролетарского писателя, который полюбил труд рабочего, несмотря на невероятно тяжелые его условия при капитализме, понял огромную организационную роль труда в жизни общества и воспел его в своих замечательных произведениях. «Эта симфония трудовой жизни» была пережита А. Пешковым на любимой им Волге и самое представление о Волге обогатилось теперь новым содержанием, прибравшим значение великой ценности смысла жизни трудового человека. Это тоже был один из университетов, который проходил А. Пешков в Казани.

Последние страницы «Мои университеты» посвящены путешествию Алексея Максимовича с крестьянином Барининым по Волге до Каспия. Это было осенью 1888 г. Денег на проезд не было. Пришлось сесть матросом на баржу, и то из

ниях М. Горького и его спутника в селе Красновидове, испугались и предложили им слезть, говоря: вы нам люди не подходящие. Тогда они сделали попытку проехать «зайцем» на пассажирском пароходе, но скоро были замечены и сняты с парохода. В Самаре опять устроились служить на баржу и «через семь дней благополучно доплыли до берегов Каспия и там пристроились в небольшой артели рыболовов на калмыцком грязном промысле Кабанкул-бай».

Подробно передано М. Горьким начало их путешествия по Волге. Даю осенний пейзаж, а в связи с ним и невеселые мысли.

«Неиз'яснимо хорошо плыть по Волге, — начинает М. Горький, — осенней ночью, сидя на корме баржи, у руля, которым водит мохнатое чудовище с огромной головой... За кормой шеткаво струится, тихо плещет вода, смолисто густая, безбрежная. Над рекою клубятся черные тучи осени... Все вокруг только медленное движение тьмы... Я чувствую себя заключенным внутри холодного масляного пузыря, он тихо скользит по наклонной плоскости, а я вделен в него, как мошка. Мне кажется, что движение постепенно замедляет, и близок момент, когда оно совсем остановится... и владично обнимает меня неподвижность, тишина».

Да, эта неподвижность, тишина, это погружение в нирвану были желательными автору в тот критический момент, который он переживал и в Казани, в последний год жизни (1887 г.), и в с. Красновидове (весна, лето 1888 г.). Хотелось в полном смысле отдыха — но Волга течет, движется. И Алексею Максимовичу не до отдыха: он спешит пробраться до Каспия. Да и там недолго пожить. Поздней осенью он уже пешим идет по Жигулям, по берегу Волги. Такое же путешествие пешком по берегу Волги он предпринимает и в 1891 г., когда он спустился из Нижнего до Царицына, а оттуда пошел в Бессаранию, а затем в Крым и на Кавказ.